

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

**ПРЕДИСЛОВИЕ
К ТРИЛОГИИ**

В конце августа девяносто первого перестала существовать одна из крупнейших за всю историю империй. Довольно спокойно, несколько даже неловко и бестолково, не сумев толком рухнуть или взорваться. Так, расплзлась вяловато, словно и не было этих нескольких столетий. А тот отрезок двадцатого века, что провела она под кличкой СССР, и вовсе привиделся случайным анекдотом.

Потом высказывалось множество мнений о причинах, формах и последствиях произошедшего. Было написано немало исследований, статей и романов. Конечно, «Войны и мира» это время пока не дождалось, и отнюдь не факт, что дождется, не всем даже великим эпохам выпадает такая удача. Да и роман Толстого, несмотря на всю гениальность, всего лишь роман, и роман пусть мудрейшего, но не участника или хотя бы свидетеля событий. А между тем, именно у участников и свидетелей обычно возникает больше всего недоуменных вопросов, и в попытках только задать их они настолько затемняют картину, что от возможных ответов и вовсе пробирает мороз по коже. Будучи в данном случае лишенным графских недостатков,

одновременно не обладая его достоинствами, осмеливаюсь с классической святой простотой положить несколько и своих сухих веток в общий костер.

Но ведь и в самом деле как-то странно получается. Жили-жили, немножко ворчали, немножко злились, немножко расстраивались. Водку пили, ВВС слушали, диссидентов уважали. Тем, кто в Мордовии, — слегка сочувствовали, тем, кто в Америке, — несколько более завидовали. А тут вдруг — хрясть! — ну, прямо по Михаилу Афанасьевичу, — моментом всё вдребезги, и вяловатое похмельное раздражение сменилось столь же невразумительным абстинентным недоумением. Про то, что потом, — вообще молчу. Как будто и не страна была до того, а одно сплошное недоразумение из тонкого нежнейшего хрустала. Что, конечно же, правда, но недостаточная до неточности.

Можно считать, что основная причина — в личности Горбачева. Можно говорить о влиянии шестидесятников и последовавшего диссидентства. Можно рассуждать об общей неэффективности экономической модели социализма и изначальной порочности предложенной в нача-

ле века коммунистами модели. Можно искать истоки в сложностях и хитросплетениях всей многовековой истории России, а то и много-тысячелетней каше европейской и азиатской цивилизаций. Но, как сказал старый аристократ Квентину Дорварду, когда тот пытался доказать благородство и древность своего рода: «Бросьте, юноша, все мы произошли от Адама и Евы». Какие бы длинные и мудреные цепочки ни выстраивались, все равно не получается внятного ответа на всё те же примитивные вопросы — почему это произошло осенью девяносто первого и произошло именно так? И самое основное — почему в результате мы имеем сегодня то, что имеем, и есть ли у нас еще хоть какой-то шанс?

Я всего лишь пытаюсь высказать свое мнение. Мне представляется, что все решилось в странное десятилетие прошлого века, событиям которого и посвящено мое исследование. Нечто принципиальное, видимо, произошло именно в эти годы, что требует даже не столько анализа и последующих безапелляционных выводов, сколько тщательнейшего сбора фактов и уточнения данных. «Большая перестрелка» — это

ощущения начала второй половины семидесятых. «Вечерняя переключка» — более события самого конца семидесятых и календарного перелома. «Последняя перестройка» — хроника постолимпийского времени до восьмидесят пятого.

И еще, как честный человек, обязан подчеркнуть — точность и объективность моих наблюдений и выводов компрометирует то, что я сам себе не могу ответить на главный вопрос. Почему, сколько себя помню, всегда ощущал, что живу в оккупированной стране, откуда взялось это чувство у обычного советского ребенка?

Конечно, никуда мне не деться от чувства если не стыда, то большой неловкости, представляя на суд читателя аж целых три романа, в то время, как сам я уже давно ничего даже отдаленно напоминающего беллетристику не читаю: несколько последних попыток познакомиться с произведениями современных властителей дум закончились полным крахом. И, сколько бы я с совершенной искренностью ни пытался объяснить и доказать, что мои книги вовсе не литературные упражнения, груз формальной

традиции писательской внутритекстовой игры и читательского восприятия, естественно, делает мои попытки изначально ущербными и бесполезными. И все же, по ряду причин, которые я как раз и пытаюсь объяснить в написанном, не только и не столько в данном предисловии, а во всех текстах, у меня не остается другого выхода, как со смущенной усмешкой над самим собой все же предложить желающим ознакомиться с предоставленными материалами.

Странность истории великой героини Франции совсем не в том, что темная и неадекватная лотарингская девчонка выиграла Столетнюю войну. И не из такой чепухи и не такие мифы рождались. Тут все гораздо и проще и, одновременно, непонятней. И война была не совсем столетняя, и не англичане с французами в ней воевали за сомнительным наличием в то время и тех, и других, и ничего она толком не выигрывала — снятие осады Орлеана было на самом деле событием до обидного рядовым. Правда, коронация в Реймсе — событие несколько другого порядка, но у того спектакля свои реальные режиссеры. Все же главное, что следует определенно понимать, — крестьянская малолетка

вовсе никакого представления о том, что идет не то что столетняя, а хоть какая-то война, не имела. Это историки сильно позднее что-то там пытались упорядочить и классифицировать, и их можно понять — в тысячелетиях мирового кровавого бардака совершенно невозможно ориентироваться без хоть каких-то, пусть и вовсе условных межевых знаков. Однако не станем мелочиться. Примем как данность, что осеннее наступление в Пикардии 1337 г. имело для населения будущей Франции столь же принципиальное значение, как осенний переворот 1917 г. для России. Все равно, совсем неясно, как, родившаяся почти через восемьдесят лет после крайне условного момента начала очередной межклановой европейской заварухи, Жанна просто могла представить себе иное состояние мира. Отличное от того, в котором прошла жизнь нескольких поколений ее предков. Не имела возможности даже теоретически, из литературы или научных исследований. Устойчивая устная традиция по ряду причин тоже отпадает. Так что первая, и одна из главных загадок — как вообще девочка поняла или хотя бы ощутила, что может быть по-другому и должно быть по-другому?

Но если все-таки допустить, со всеми мыслимыми оговорками, осознанное желание Жаннеты из Домреми победить в священной войне и освободить любимую страну от иноземных захватчиков, — что́ может кричать, идя в атаку, невнятное средневековое существо? «Вперед, за Францию!», «За родину!», «За короля!», ну, в конце концов, — «Во имя Господа!».

Но ледящим апрельским утром, не собираясь оглядываться, никуда не спеша, но и не медля более мига, привстала слегка в стремених Орлеанская Дева. И, кинув вверх руку с уже однажды спасшим Европу мечом, вывела по застывшему вдруг небу безукоризненным стальным альтом: «Все, кто любит меня, — за мной!» Не за королевским знаменем, не за священными католическими хоругвями. «Чтобы окрасить и обеспечить материалы для большого знамени и маленького для Девы — 25 турских ливров», — выписал счет скрупулезный Рагуйе. За личным штандартом Девы вслед кинулись капитаны и графы, наемники и ветераны, богохульники и мародеры, будущие маршалы и легендарные преступники, Дюнуа и Буссак, де Рец и Ла Ир, вся эта смертельно уставшая

и давно потерявшая веру свора арманьякских бандитов. Да, на маленьком знамени был и Господь, и ангел, и облако, и лилия. Но знамя было ее. Личное. Строго говоря, ни по каким законам, ни по каким традициям правом на него она не обладала.

Собственно, за это ее потом и убили. Конечно, ничего не поняли, но шкурой ощутили, до самой мерзкой и жуткой предутренней дрожи ощутили каждой клеткой своей провонявшей под рясами, доспехами и камзолами шкуры: вот она где самая большая опасность — «меня» и «за мной»! Потому, засуетившись в ужасе, не рискнули зарезать обыденно, как вражеского солдата, прилюдно повесить, как партизанку, или просто удавить втихую, как досадную помеху. Нет — ведьма и костер. Строгое и подробное расследование. Громкий суд. Все многословно, тщательно и предельно лживо. Как и последовавшая реабилитация. Чтобы ни в коем случае даже самим себе не дать понять, за что убивали и за что потом объявляли святой. Но было поздно и бесполезно. Оказалось, что любые флаги можно опозорить и кинуть к ногам победителя. Маленькое знамя — нельзя.

Скорее всего, ничего этого на самом деле не было. Так, не очень оригинальная, не самая добрая и даже не совсем бескорыстная сказочка. Рекламная поделка, рутинная работа тогдашних политехнологов. Кстати, весьма подробно разработанная и аккуратно выполненная операция. Я даже подозреваю, хотя «подозреваю» — исключительно из корректности, на самом деле я-то практически уверен, кем разработанная и *под чьим* чутким руководством проведенная. Был один. Специалист. А уж что там и вправду кричала блаженная дурочка в кровавой свалке перед Турелью, где требовалось, прежде всего, забрасывать ров вязанками хвороста и трупами и тащить лестницы к стенам, а не гарцевать на боевом коне в белоснежных латах... Последняя из загадок — почему это ровным счетом ничего не меняет?

У меня нет веры святой Иоанны. И другой нет. Не пишу стандартное «к сожалению». Не могу сожалеть о том, о чем не имею ни малейшего представления. Есть некоторые, весьма смутные подозрения, что существует софия. Люди, которых мне сложно заподозрить во лжи, говорили, что бывает любовь. Однако лично мне ве-

дома только надежда. Все что я могу сделать — это, наплевав на строгость стиля и собственную усмешку, обозначить на листе бумаги символы моего маленького знамени. И леденящим августовским утром, не собираясь оглядываться, никуда не спеша, но и не медля более мига, приставить слегка в стремянах, вскинуть вверх руку и вывести по застывшему вдруг небу...

Короче. Вот три книжки. При желании полистайте. Может, поймете чего.

